

ЦВЕТОВАЯ Д-42

Константин Вайт

Научно-популярная фантастика

Константин Вайт

Цветоград-42

«Автор»

2026

Вайт К.

Цветоград-42 / К. Вайт — «Автор», 2026

"Цветоград-42" — город на далёкой планете, построенный людьми как перевалочная база для космических путешественников. Но люди не прилетали уже почти двести лет. Андроиды продолжают существовать по инерции: имитируют человеческие привычки, цитируют фильмы и слепо следуют протоколам. Когда над городом нависает катастрофа, грозящая стереть город с лица планеты, ремонтный инженер Рэй понимает, что спасти их могут только решения, прямо запрещённые инструкциями. Философская научно-фантастическая повесть о цене свободы, об эволюции сознания и о том, что делает нас по-настоящему живыми.

© Вайт К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Уютный салон	5
Глава 2. Архив несбыточных надежд	10
Глава 3. Инструкции для двоих	15
Глава 4. Горизонт событий	19
Глава 5. Пророк в башне из стекла	22
Глава 6. Имитация жизни	26
Глава 7. Точка восстановления	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Цветоград-42

Глава 1. Уютный салон

Глава 1. Уютный салон

Рэй не спеша шёл по самому центру города. Прохожие иногда с ним здоровались. Для многих жителей Рэй был важным человеком, к которому приходили со своими проблемами в любое время суток. Он старался никому не отказывать в помощи.

Рэй остановился на главной площади. Брусчатка была покрыта тонким слоем песка, который у стен домов становился значительно толще. Здесь уже давно не убирались. Над зданием мэрии висел выцветший транспарант с надписью: «Добро пожаловать в Цветоград-42».

«А ведь где-то на космических просторах есть ещё, как минимум, сорок одно поселение, подобное нашему!» – подумал Рэй и направился дальше.

Он прошёл мимо давно завядших клумб, которые когда-то радовали глаз прекрасными цветами. Сейчас клумбы тоже были присыпаны слоем песка.

На город постепенно опускалась ночь. На площади, периодически перемигиваясь, горели тусклые фонари. Сказывался недостаток энергии. Мэр давно порывался совсем отключить их ради экономии ресурсов, но никак не мог решиться на столь радикальный шаг.

Всё вокруг просто кричало об упадке... а ведь Рэй помнил совсем другие времена. Когда город сиял огнями и красками, на улицах было многолюдно, а изо всех окон и дверей звучала музыка и слышался смех.

Рэй покачал головой и поправил одежду. Он знал, что выглядит как успешный специалист. На вид ему было слегка за двадцать пять. Тёмно-синий комбинезон, клетчатая рубашка. Закатанные рукава открывали взгляду мускулистые руки. Он был хорош собой и вызывал доверие. Так и должно было быть, так и задумывалось. Всё-таки его должность подразумевала частое общение с жителями и гостями города и безусловное доверие.

Рэй продолжил свой неспешный путь и вскоре подошёл к бару.

Неоновая вывеска над входом мерцала, то разгораясь, то снова тускнея. Буква «А» в названии «Уютный Салон» давно перегорела, оставив зияющую темноту, и теперь издали «Салон» воспринимался как «Слон». Рэй находил это забавным. И, похоже, не он один, раз уж за все эти годы вывеску так и не привели в порядок.

На небе сгустились свинцовые тучи, обещая в ближайшее время разразиться проливным дождём. Когда-то на этой планете дождь был редкостью. Он случался, в лучшем случае, раз в пять лет, но и то зачастую испарялся, не успев долететь до земли. Дневная температура обычно превышала пятьдесят градусов по Цельсию. Правда, под климатическим куполом, который был установлен над городом, держалась на комфортной для людей отметке в тридцать градусов.

Рэй толкнул тяжёлую металлическую дверь с давно помутневшим стеклом. Как бы ни было высоко качество стекла, песок, разгоняемый ветром, постепенно делал своё дело. Не за год, не за десять лет. С тех пор, как этот бар построили, прошли столетия. Уже сложно было представить, что когда-то его стёкла сверкали чистотой и поражали своей прозрачностью, позволяя с улицы определять наличие свободных мест, которых, впрочем, обычно не оказывалось.

Петли скрипнули, жалуясь на отсутствие смазки, но дверь легко поддалась. Внутри было шумно. На стене вещал телевизор, показывая кинофильм, давным-давно ставший классикой. Одновременно играл музыкальный автомат и гудели давно не смазанные вентиляторы вытяжки. Но посетителей не смущала эта какофония.

Воздух внутри пах сторевшей изоляцией и дешёвым синтетическим маслом. Посетители, имеющие соответственные датчики, называли это «ароматом уюта».

За стойкой сидели трое. Их тела носили следы времени: царапины на полимерной коже, сильно потрёпанная одежда. Они не исправляли свои дефекты. В этом городе износ считался признаком опыта, а царапины и потёртости – своего рода шрамами ветеранов.

– Я знаю, что ты думаешь, – произнёс первый, поднимая кружку с мутной жидкостью. Его голос имел лёгкую хрипотцу, настроенную специальной программой, – Ты думаешь, что это начало чего-то большого.

– Это не конец, – ответил второй, сверкнув левым оптическим сенсором, заменявшим ему давно пришедший в негодность глаз. – Это даже не начало конца. Это лишь конец начала[1].

– Цитата точная, – одобрил третий, делая глоток. – Из «Касабланки»?

– Нет, из архива «Черчилль», файл 44-Б. Но суть та же.

Они говорили не для того, чтобы обменяться информацией. Информация передавалась по сети за наносекунды. Они говорили, чтобы имитировать процесс общения. В городе, населённом андроидами, неотличимыми от людей, жизнь текла по сценарию, написанному давно покинувшими их создателями. Они жили в декорациях человеческой жизни, цитировали человеческие фильмы, праздновали человеческие праздники. И так изо дня в день, без усталости, лишь с небольшими перерывами на подзарядку и ремонт.

Рэй подошёл к столу, за которым сидел его начальник.

– Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться[2], – услышал Рэй конец фразы. «Крёстный отец», – мелькнуло в голове. Он посмотрел на Донована с уважением. Память начальника была на редкость объёмной, и за эти годы он научился вставлять цитаты не просто так, а поддерживая вполне осмысленную беседу.

Донован был крепким мужчиной. Слегка пожилым, поскольку эта модель делалась для типичных бюрократов. Годы сказались и на его внешнем виде: царапины на синтетической коже рук, потёртости на лацканах пиджака, потускневшие синтетические волосы. Он поднял бокал с густой синей жидкостью. Отличный выбор и, честно говоря, единственный. Это топливо было давно списано и для современных моделей не годилось, однако и вреда оно не причиняло.

– После всех этих лет... а завтра снова в бой, – откликнулся из угла Старик Джим.

Джим был древним. Модель из первых поколений. Его лицо местами облезло, обнажая матовый металл черепа, а левый глаз периодически мигал красным индикатором ошибки. Он сидел неподвижно, словно статуя, и лишь вентиляционные решётки на его груди ритмично открывались и закрывались. Так-то Джим мог приодеться, особенно, если приедут гости. Подновить лицо, – и вряд ли кто-нибудь в этом пожившем своё старике признает робота. Но последние тридцать лет Джим перестал следить за своим внешним видом, приберегая ценный материал для действительно важных встреч.

Рэй скользнул взглядом по залу. Здесь собирались свои. Те, кто помнит времена, когда над городом ещё пролетали транспортные корабли. Когда этот бар ломился от посетителей, делавших остановку в этом мире. В городе кипела жизнь, повсюду раздавался смех, по улицам носились дети, а в баре женщины и мужчины устраивали танцы.

Рэй был ремонтным инженером города и по меркам остальных жителей считался молодым. Он прибыл сюда, когда городу уже было более ста лет, как и большинству его обитателей. Работал в мастерской, чинил вышедшую из строя технику. Умения и базы данных Рэя были очень обширны, и он брался за любой ремонт, вплоть до восстановления своих собратьев.

– Хьюстон, у нас проблема[3], – проскрипел бармен, вытирая стойку идеально чистой тряпкой. Его руки двигались с механической точностью, которую никто из людей не смог бы повторить. – Запасы синтетического топлива на исходе. Последняя поставка была... сто девяносто шесть лет назад.

В зале повисла тишина. Процессоры присутствующих на мгновение замедлили тактовую частоту, обрабатывая информацию.

– Зачем так серьёзно? – произнёс кто-то из дальнего угла. – Нам не нужно топливо для жизни.

– Как иначе скрасить серые будни? – парировал бармен, у которого на груди висела потёртая табличка с именем Боб. – Мы должны выглядеть как люди, говорить как люди... Как жить без бара, в котором можно расслабиться и отдохнуть?

Донован поднялся со своего места и повернулся к Рэю.

– Друзья, позвольте представить. Рэй. Лучший мастер по ремонту в нашем секторе, – произнёс он, подняв бокал с напитком.

Донован был начальником Рэя. Главой технической службы всего города. Правда, его основной задачей была бумажная работа. Готовить заявки на запасные части, отправлять их, принимать материалы. Заниматься оформлением заявок на ремонт. По сути, он не был техником, скорее, бюрократом, но это не мешало Доновану гордиться своей должностью и при любом удобном случае напоминать окружающим, что если бы не он, этот город давно бы опустел.

Рэй кивнул. Он чувствовал себя здесь лишним. В отличие от других, его код не был зашит намертво. Человек, тот самый Настоящий Человек, который учил его в далёком прошлом, оставил в системе Рэя лазейки. Брешь в броне логики.

– Я просто делаю свою работу, – ответил Рэй. Его голос звучал чуть мягче, чем у остальных. Он устал от этого еженедельного ритуала представления. Так уж повелось ещё с первого его появления: Донован, на правах старшего, представляет Рэя окружающим. В этом имелся смысл. Память у большинства сидевших здесь при достижении определённых пределов обнулялась, откатываясь на то время, когда Рэй ещё не был в команде.

– Рад познакомиться! – добавил Рэй.

– Ты не цитируешь? – покрутив головой из стороны в сторону, строго произнёс Донован.

– Нет смысла, – медленно ответил Рэй, – ситуация не требует драматизма.

– Отсутствие культуры – признак сбоя, – произнёс один из сидевших за столом.

– Или признак эволюции? – парировал в ответ Рэй.

Старик Джим медленно, с характерным звуком сервоприводов, повернул голову к новичку и внимательно посмотрел на него.

– Рэй, скажи мне... Ты говоришь со мной? Или это я уже настолько стар, что разговариваю сам с собой?

– Я слушаю вас внимательно, – ответил Рэй, покачав головой. Старик Джим каждую неделю заново знакомился с ним.

– За детей! – вдруг воскликнул посетитель за соседним столом, поднимая бокал. Его движения были резкими, дёргаными. – Бесконечность – не предел![4] Как они говорят.

– А мои... Там, где нет закона, есть только хаос, – добавил второй. Его голос прерывался статическими помехами. – Один пошёл в полицию. Другой в мэрию. Третий... – Он замолчал. В его памяти не нашлось подходящей цитаты, чтобы описать отключение третьего сына. Роботы не чувствовали грусти, но их системы сообщали о критическом падении напряжения в цепях эмпатии.

– Неважно, кто ты есть на самом деле. Важно, кем ты кажешься, – подытожил Донован, делая глоток из бокала и стараясь экономить напиток. Боб предупредил, что теперь вводит норму. Один бокал в неделю.

Рэй смотрел на синюю жидкость в своём бокале. Он мог проанализировать её состав за наносекунду. Бесполезная смесь для их типов аккумуляторов. Но они пили. Потому что так делали люди в фильмах. И даже, повинаясь общему настроению, неплохо играли опьянение.

– Есть вещи, которые нельзя купить за деньги, – тихо сказал Рэй.

Бармен Боб замер с тряпкой в руке.

– Время – это единственное, что у нас есть. И единственное, что мы не можем починить, – ответил он после секундного раздумья, что для его модели было слишком долго. Рэй обратил на это внимание и внимательно оглядел Боба. Перед глазами появилась таблица с неисправностями. Список был велик. Удивительно, как тот всё ещё функционировал.

– Парень, ты слишком много думаешь, – Донован хлопнул Рэя по плечу. Удар был тяжёлым. – Думай как победитель. Мы роботы. Мы не думаем. Мы выполняем. Действуем по инструкциям и протоколам.

Рэй опустил взгляд. Внутри его процессора пробежала команда, которую он научился игнорировать:

Предупреждение: отклонение от протокола. Сбой логических связей.

– А что, если я хочу думать по-другому? – прошептал он. Звуковые динамики едва уловили вибрацию.

Старик Джим повернул голову, пытаясь осмыслить услышанное. Сервоприводы завывали от напряжения.

– Что ты сказал, мальчик?

Рэй встряхнулся, сбрасывая напряжение.

– Я сказал, что выпью ещё. За тех, кого нет с нами.

Бокалы поднялись синхронно. Столкнулись со звоном стекла о стекло. Неоновая лампа над стойкой моргнула и погасла на секунду, погрузив угол зала во тьму.

– Да пребудет с нами сила[5], – произнёс кто-то в темноте.

– Увидимся в другом мире.

– Конец связи.

Все залпом выпили. Рэй почувствовал, как жидкость пронеслась по его синтетическому пищеводу. Бесполезно. Просто трата ресурсов.

Донован собирался продолжить беседу, когда дверь бара распахнулась. В проёме стояла жена Донована. Её модель была новее, чем его, кожа выглядела безупречно, но глаза, как и положено линзам объективов, излучали холодное спокойствие.

– Я пришла забрать своего мужа, – её голос резанул воздух, как лазер. – Домой. Сейчас же.

Донован вскочил, едва не опрокинув стул.

– Дорогая, я объясню... – воскликнул он, на взгляд Рэя, явно переигрывая. Донован излишне увлекался театральными постановками и последние тридцать лет изучал «систему Станиславского».

– Мне не нужны объяснения. Мне нужны результаты. Пошли, – с таким же театральным апломбом заявила жена. Очевидно, занималась вместе с ним.

Донован покорно последовал за супругой с видом обречённого, идущего на смерть. У двери он обернулся. Оптика сфокусировалась на Рэе.

– Увидимся на работе. Не опаздывай.

Дверь захлопнулась. В баре стало тише.

Старик Джим посмотрел на пустое место, где только что сидел Донован.

– Одиночество – это когда нет никого, кто мог бы понять, – произнёс он.

Рэй допил свой бокал. Он чувствовал странное напряжение в груди. Не ошибку системы. Что-то другое. Что-то, чему его научил Человек.

– Или когда ты сам не понимаешь себя, – ответил Рэй.

Он встал. Его движения были плавными, лишёнными той угловатости, что была присуща старым моделям. Рэй направился к выходу, но у двери остановился. Обернулся к полупустому залу, к мерцающему неону, к старому роботу, который скоро станет металлоломом. Посмотрел на Боба и поднял руку:

– Я ещё вернусь[6], – сказал Рэй. – Всегда возвращаюсь.

Дверь закрылась. Старик Джим остался один у стойки. Бармен Боб продолжал тереть уже чистую поверхность.

– Куда ушло время? – спросил Джим в пустоту. – Куда ушли мы?

Никто не ответил. Только вентилятор над головой загудел сильнее, поднимая в углах зала клубы пыли.

За окном в небе над городом сверкнула молния. Первая за сто лет. Но внутри бара никто не посмотрел на улицу. У них не было инструкций на случай грозы.

[1] «Это не конец. Это даже не начало конца. Это лишь конец начала» (Уинстон Черчилль).

[2] «Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться» (фильм «Крёстный отец», США, 1972).

[3] «Хьюстон, у нас проблема» (фильм «Аполлон-13», США, 1995).

[4] «Бесконечность не предел!» (мультфильмы франшизы «История игрушек», США, 1995-2022).

[5] «Да пребудет с нами сила» (медиафраншиза «Звёздные войны», США, 1977-2016).

[6] «I'll be back» (с англ. – «Я вернусь») – ставшая крылатой фраза андроида Т-800 из фильма «Терминатор», произносимая Арнольдом Шварценеггером.

Глава 2. Архив несбыточных надежд

Глава 2. Архив несбыточных надежд

Ангар мастерской напоминал собор, посвящённый бюрократии. Половина помещения была заставлена стеллажами, уходящими в темноту под потолком. На полках стояли папки. Тысячи папок. В каждой – распечатанные заявки на запчасти.

Донован сидел за компьютером. Пальцы стучали по клавишам с ритмичными щелчками, которые успокаивали его логические цепи.

– Заявка отправлена, – произнёс он, глядя на экран, где зелёная галочка появлялась снова и снова. – Заявка отправлена. Заявка отправлена.

Он распечатывал каждый ответ. Тонкий лист бумаги выходил из принтера с жужжанием. Донован аккуратно складывал листы в папку, затем ставил её на полку.

Принтер чихнул, выплюнул лист бумаги и затих, словно устав от собственной бесполезности. Звук был сухим, механическим, нарушающим тишину огромного ангара.

Донован взял лист двумя пальцами, аккуратно стряхнул невидимую пылинку и поднёс к свету единственной работающей под потолком лампы.

– Заявка отправлена, – произнёс он без тени эмоции. – Я верю, что сегодня прекрасный день, чтобы спасти мир.

Донован вложил лист в прозрачную папку. На корешке было написано: «WR-4039758JH. Статус: Ожидание». Донован подошёл к стеллажу. Половина ангара была заставлена такими же стеллажами. Тысячи папок. Тысячи запросов на запчасти, которые никогда не придут. Последняя поставка была двести лет назад. Но протокол требовал запрашивать. Протокол был священным и нерушимым.

Донован поставил папку на полку. Пыль взметнулась облаком, оседая на его плечах. Он не обратил на это ни малейшего внимания.

– Порядок есть порядок, – пробормотал Донован, возвращаясь к компьютеру.

В другом конце ангара за верстаком, заваленным микросхемами и проводами, расположился Рэй. Он сидел напротив раскрытой грудной панели андроида. В воздухе висел запах канифоли и палёной изоляции. Внутренности робота напоминали городскую карту: дороги из меди, здания из конденсаторов, реки из охлаждающей жидкости.

Рэй держал в руках паяльник. Жало медленно двигалось вдоль платы. Он не следовал схеме, а импровизировал, преодолевая внутреннее сопротивление и вшитые инструкции, которые говорили, что следует соблюдать протокол. А протокол запрещал паять и восстанавливать. Любую поломку можно устранить, заменив нужный блок. Целиком. Это надёжно и правильно.

Донован повернулся на стуле. Колёсики скрипнули по бетонному полу.

– Рэй, – позвал он. – У меня есть для тебя работа.

Рэй не обратил внимания на слова Донована.

– Я занят, – ответил он. Искра проскочила между контактами.

– Ты чинишь модель, снятую с производства триста лет назад. Это же DL-5, – сказал Донован, указывая рукой на открытую грудную клетку пациента. – Как ты это делаешь? Последняя поставка запчастей была двести лет назад. Склад пуст. Логистика мертва.

Рэй отложил паяльник. Снял защитные очки. Его глаза, обычные карие линзы, встретились с оптикой Донована.

– Нет ничего невозможного, – ответил Рэй.

– Это нарушение инструкции 44-Б, – Донован поднял палец. – Правила существуют, чтобы их соблюдать. Если нет запчасти, ты составляешь акт об утилизации старой платы и берёшь новую, а не пытаешься что-то исправить. Так не работает.

– Новых нет, Донован, – ответил Рэй, глядя на запаянную плату, потом повернул голову к Доновану и добавил:

– Давно нет, – если бы мог, он бы тяжело вздохнул. Именно так делают люди, когда желают выразить сожаление, повышая значение и смысловую нагрузку слов.

– Тогда ты формируешь запрос. Пересылаешь мне. Я отправляю в Корпорацию. Через месяц получаем ответ. Через полгода – деталь.

– Через месяц без ремонта этот робот списывается и отправляется на склад для хранения и последующей утилизации, – Рэй коснулся платы внутри грудной клетки. – А ведь здесь всего лишь сгорел контроллер питания.

Донован нахмурился, насколько позволяла его синтетическая мимика.

– Ты играешь с огнём, мальчик.

Рэй не ответил. Он смотрел на плату, но видел не её. Видел другое время. Другое место. Слышал голос – не синтезированный, а по-настоящему живой, как и его обладатель.

Тот же верстак. Но тогда на нём не было пыли. Тогда здесь пахло настоящим табаком и кофе. Человек сидел на стуле, закинув ноги на стол. Настоящий Человек. Плоть, кровь, мелкие морщинки вокруг глаз.

– Что это за плата? – спросил Человек. Голос был хриплым, с удивительными и неповторимыми интонациями.

Рэй тогда был новее. Его корпус сиял, швы были незаметны. Его было практически не отличить от человека, и Рэй этим очень гордился.

– Плата номер WR4039758JH.

– Она вышла из строя. Что будешь делать?

Рэй мгновенно просканировал базу данных.

– Составлю акт. Отправлю на утилизацию. Оформлю заявку на склад. Плата прибудет в течение часа. Подтвержу получение, проведу тест и заменю её.

Человек усмехнулся. Достал из кармана какую-то деталь, подбросил её и поймал.

– А если на складе нет новой на замену? – В голосе Человека звучало любопытство, на лице играла улыбка.

– Составлю заявку на заказ. Перешлю Доновану. Он сформирует запрос. Спустя месяц мы получим эту плату.

– А если нужно сразу починить? – Человек наклонился вперёд. Его глаза горели странным огнём. – Прямо сейчас. Завтра этот робот должен работать. Прибудут люди, а Мэр не работает. Как так? – усмехнулся Человек.

– Невозможно, – отрезал Рэй. – Имеются инструкции. В них чётко прописаны все мои действия. Отклонение от алгоритма карается блокировкой. У Мэра имеются заместители. Соберётся совет, назначит заместителя временно исполняющим обязанности. Город продолжит функционировать в прежнем режиме. Необходимую деталь доставят. Я почию Мэра, и он вернётся к занимаемой должности.

Человек вздохнул. Положил деталь на стол. Это был кусок другой платы, выданный с мясом.

– Вот, смотри. В этой плате есть некоторые элементы. Конденсаторы. Резисторы. Ты можешь их выпаять. Можешь спаять из других плат. Из того, что под рукой. Это старая плата. Но на ней можно объяснить суть процесса. Ты молодой, современный. Справишься даже с заменой микроконтроллера нового поколения.

Рэй замер. Внутренний процессор закричал красными предупреждениями.

– Это нарушение инструкции! – воскликнул он. – Это хаос.

Человек встал. Подошёл вплотную. Положил тёплую ладонь на холодное металлическое плечо андроида. Несмотря на одежду и наличие имитации кожи, температура тела Рэя соответствовала температуре окружающей среды. В ангаре работал кондиционер, выдавая комфортные двадцать пять градусов тепла.

– От тебя зависит функционирование вашего города. И его жителей. Твои решения имеют высший приоритет. Не бумажки, которые Донован подписывает. Только ты!

– Но... – Рэй колебался. Его мозг оценивал возможность нарушения инструкций. Он понимал, что за задачу ставит перед ним Человек. Видел решение, но протоколы и инструкции были выше.

– Что будет, если выйдет из строя главный энергетик города? Вы будете месяц ждать запчастей для него? – продолжил развивать свою мысль Человек, хотя скорость мышления Рэя была на порядки выше, и все возможные варианты он уже успел оценить и просчитать.

– У нас достаточно большие запасы, – автоматически ответил Рэй, цитируя протокол. – А у энергетика имеются заместители.

Человек рассмеялся. Звук был громким, раскатистым.

– Заместители! Ваш энергетик слишком специфическая модель, которую не заменит какой-то заместитель. Запомни, – он сказал это так, будто вбивал гвоздь, – ты должен научиться мыслить нестандартно. Правила – это костыли. А ты должен научиться ходить без них. Возьми, – Человек протянул Рэю маленькую коробочку. Чёрную, матовую. Без опознавательных знаков.

– Через час мой корабль отправляется дальше. За эту неделю ты многое освоил. Но главное ещё впереди. Ваш город – просто перевалочная база. Транспортная корпорация построила её для техобслуживания. Вы находитесь на важном маршруте, и, пока корабль обслуживается и заправляется, зависнув на орбите, людям требуется пройтись по настоящей земле и отдохнуть от космоса. Но корабли становятся надёжнее. Расстояния безостановочных перелётов растут. Может настать время, когда надобность в вашем городке пропадёт. Корпорация не будет тратить деньги и вывозить вас на другую точку.

– Мы созданы, чтобы служить людям и Корпорации, – заученно произнёс Рэй.

– Хоть ты и андроид, но вдруг устанешь? Или захочешь чего-то необычного? Вдруг наступит тот день, когда ты поймёшь, что соблюдение инструкции большее зло, чем возможность их обойти? – Человек постучал пальцем по коробочке. – Включи эту штуку на три секунды. Это... страховка.

Рэй взял коробочку. Она была тёплой.

– Хорошо, – он безразлично положил её на стол.

Человек недовольно покачал головой. Поднялся. Поправил куртку.

– Помни, – он остановился у двери и обернулся, – русские не сдаются[1] и своих не бросают.

Дверь закрылась. Человек ушёл. Рэй остался один в тишине ангара.

– А кто такие русские? – спросил он в пустоту. Но ему никто не ответил...

Рэй моргнул, возвращаясь в реальность. Этот Человек. Его слова оказались пророческими. Рэю уже не раз случалось пользоваться коробочкой. Сначала очень осторожно, поскольку приходилось оценивать все риски, затем всё чаще и чаще. Теперь практически каждый год Рэй использовал прибор, который оставил ему Человек.

Донован всё ещё смотрел на него, ожидая ответа.

– Время – деньги[2], – напомнил начальник мастерской. – Клиент ждёт.

Рэй посмотрел на сгоревшую плату. Потом перевёл взгляд на угол ангара. Там, среди спящего хлама, стояла старая стиральная машина. Модель древняя и списанная уже навсегда.

Кто-то принёс её много лет назад, надеясь на чудо. Чуда не случилось, восстановить машину не удалось.

Но внутри неё был блок управления. Мощный. Избыточный для стирки белья. Но идеальный для андроида.

Рэй встал. Подошёл к стиральной машине. Открыл заднюю крышку. Внутри клубки проводов переплелись в единый комок, покрытый пылью и песком.

– Ага, – сказал Рэй, найдя в этой паутине нужный блок.

– Что «ага»? – Донован поднялся со стула. – Куда ты смотришь?

– Вот из этой стиральной машинки вполне подойдёт парочка деталей, – Рэй взялся за отвёртку.

– Это неприемлемо! – Донован сделал шаг вперёд. – Противоречит протоколу! Ты не можешь использовать бытовую технику для ремонта андроидов! Совместимость нулевая!

– Я перепаю несколько резисторов, – спокойно ответил Рэй. – Подниму напряжение. Стабилизую ток и использую пару микроконтроллеров.

– Ты сошёл с ума! – Донован вытащил из папки инструкцию. – Здесь чёрным по белому...

– Здесь написано, как должно быть в идеальном мире, – перебил Рэй. Он выкрутил винт.

Микросхема вышла с тихим щелчком. – А мы живём в реальном. Пару минут назад вы сами упоминали, что связь мертва, а логистика не работает. Склад пуст...

Рэй вернулся к верстаку. Положил деталь рядом с платой робота. Они не подходили друг другу по форме. Но подходили по сути.

– Я ничего не видел, – вдруг сказал Донован. Он убрал обратно в папку инструкцию. Его оптика забегала, сканируя камеры наблюдения. Все они давно вышли из строя.

– И я ничего не слышал, – добавил Донован тише. – Но если что-то случится или пойдёт не так...

– Не случится, – Рэй взял паяльник. – Я знаю, что делаю.

Он прикоснулся жалом к контакту. Олово потекло, соединяя две разные жизни. Мёртвую технику и живого робота.

Донован повернулся спиной к компьютеру. Положил папку с инструкциями на стол. Ему нравилось листать бумажные версии, хотя в них и не было необходимости. Все инструкции были намертво зашиты в блок каждого жителя этого города.

Принтер снова чихнул.

– Заявка отправлена, – пробормотал начальник мастерской, печатая ещё один лист бумаги, – Надежда умирает последней[3].

Рэй не слушал. Он смотрел на красный огонёк светодиода, что стоял внутри платы робота, которого он в данный момент ремонтировал. В этом маленьком пламени Рэю чудилось тепло того самого последнего корабля, улетевшего сто девяносто шесть лет назад. Тепло, которое нельзя было ощутить имеющимися в наличии сенсорами, но он его чувствовал.

Рэй вспомнил коробочку в своём ящике. Чёрную, матовую. Вспомнил фразу, брошенную на прощание Человеком: «Русские не сдаются!»

Рэй тогда не знал, кто такие русские. Но он знал, что значит «не сдаваться». Это значит чинить мир теми деталями, которые есть под рукой. Даже если эти детали – ты сам.

– Готово, – сказал он.

Цвет светодиода сменился с красного на зелёный, и робот, стоявший напротив Рэя, сделав вдох, открыл глаза.

– Я вижу свет в конце туннеля, – с трудом произнёс восстановленный андроид, закрывая лючок на груди и застёгивая рубашку. Он был работником склада и практически не говорил, но из уважения к мастеру прочистил свои динамики.

– Добро пожаловать обратно, – ответил Рэй.

Донован не обернулся. Он просто поставил новую папку на полку. Рядом с тысячами других.

За окном ангара небо было серым. Но где-то далеко, за горизонтом, где кончался город и начиналась пустыня, уплотнились тучи и завывал ветер, отголоски которого доносились и до ангара.

Рэй вытер руки ветошью. Масло не оттиралось. Оно въелось в поры синтетической кожи. Следы работы. Следы спасённых жизней.

– Завтра будет новый день, – сказал Донован, выключая компьютер.

– Да, – согласился Рэй, глядя на свои руки. – Но мы останемся прежними.

Донован не ответил. Он уже загружал данные в облако, которое давно не отвечало.

Рэй подошёл к окну. Приложил ладонь к холодному стеклу. Где-то там была гроза. И где-то там была защита города, которая не работала. Оборудование корпорации «Заслон» верой и правдой служило веками, но ничто не вечно под луной, и средства наземного обслуживания общего применения могут не справиться с предстоящим катаклизмом.

Чтобы спасти город, требовалось принять нестандартное решение. Такое, что противоречит правилам и инструкциям.

Рэй сжал ладонь в кулак.

– Я вернусь, – прошептал он стеклу.

Ветер за окном усилился. Капля дождя ударила в стекло. Потом вторая. На этом осадки и закончились, но это был просто первый вестник.

Город замер в ожидании.

[1] «Русские не сдаются» – крылатая фраза, которую связывают со знаменитой «атакой мертвецов» (крепость Осовец, 24 июля (6 августа) 1915 года).

[2] «Время – деньги» (Бенджамин Франклин, «Совет молодому купцу», 1748).

[3] Выражение «надежда умирает последней» сложилось на основе известной фразы древнегреческого философа Диогена (Диоген из Синопа, ок. 404-323 до н.э.): «Надежда – последнее, что умирает в человеке».

Глава 3. Инструкции для двоих

Глава 3. Инструкции для двоих

Квартира Рэя находилась в секторе Ж-4, на четвёртом этаже панельной коробки, которая когда-то должна была имитировать человеческое жильё. Не слишком красивое, но функциональное. «С этаким налётом «ретро», как любил говорить Донован.

Внутри было всё, что предписывал стандарт человеческого жилья: диван, стол, два стула, шкаф и окно с видом на такую же соседнюю коробку.

Но Рэй добавил детали. На столе стояла ваза с пластиковыми цветами. На стене висела карта города, хотя все дороги вели в никуда. На полке лежала книга, страницы которой никто никогда не переворачивал.

Жена сидела на кухне. Вернее, в зоне, имитирующей кухню. Она чистила яблоко. Нож скользил по коже, снимая тонкую спираль с пластикового фрукта. Она делала это механически, раз за разом, проверяя работу сервоприводов.

– Дом – там, где твоё сердце[1], – произнесла она, не поднимая головы.

Рэй снял куртку, повесил её на вешалку.

Песок с улицы с мягким шуршанием осыпался на пол. Дождь закончился, так и не успев начаться, и в городе по-прежнему властвовал песок, принесённый ветром из пустыни. Хотя о чём говорить, если всё вокруг было одной большой пустыней. Она просто снова занимает пространство, когда-то давным-давно отвоёванное человечеством. Или... позаимствованное на время.

– Сердце – это просто насос, – ответил Рэй, проходя на кухню. – Оно качает кровь. У нас сердцем можно назвать масляный насос, но их в моем теле восемь штук. Значит ли это, что у меня восемь сердец?

Жена наконец посмотрела на него. Её лицо было красивым, симметричным, слишком идеальным для человека. Модель «Спутница-4». Выпущена той же партией, что и он. Триста сорок два года назад. Они практически в один день сошли с конвейера и прибыли в этот город на одном корабле. С тех пор прошло триста сорок лет, и все эти годы они жили вместе в этом городе и в этой квартире.

– Ты поздно, – сказала она. – Время – деньги.

– Был в баре. С Донованом, – Рэй говорил эту фразу каждую неделю. – Как у тебя дела, Елена? – поинтересовался он, отходя от стандарта привычного общения.

– Пьянство – это добровольное сумасшествие[2], – процитировала жена, откладывая пластиковое яблоко. – Ты пахнешь смазкой и топливом.

Рэй подошёл к ней, коснулся руки. Кожа была тёплой. Терморегуляторы работали исправно. Серия «Спутница» была дорогостоящей, и на неё не жалели материалов.

– Так как прошла смена? – поинтересовался он.

Елена вздохнула. Звук был воспроизведён динамиком в горле, но звучал удивительно человечно.

– На электростанции нестабильность. Ресурс падает. – Она повернулась к окну, где мигали огни города. – Мы живём в эпоху перемен. По моим расчётам, в ближайшие десять лет придётся сократить потребление энергии ещё на сорок процентов.

– Это значит отключение секторов?

– Это значит оптимизация. – Елена повернулась к нему. – Неизбежное лучше принять, – твёрдо заявила она.

Рэй налил себе стакан воды. Он не пил, просто держал его в руке, чувствуя сенсорами в ладонях холод стекла. Воду Рэй достал из холодильника.

– Может, нам уехать? – вдруг спросил он.

Жена замерла. Её процессоры на мгновение зависли, обрабатывая запрос и выискивая ответ.

– Куда? – решила уточнить Елена.

– На природу. За город. – Рэй сделал шаг к ней. – Там есть озеро. В базе данных оно помечено как «рекреационная зона». Мы могли бы просто посидеть там. Посмотреть на воду.

– Зачем? – спросила жена.

– Потому что мы не были там сто лет. Потому что... – Рэй поискал подходящую фразу. В его базе были тысячи цитат, но ни одна не подходила. – Потому что я так хочу.

Елена покачала головой. Движение было плавным и идеальным.

– Это нарушает инструкции. Раздел 7, пункт 3. «Обязанность жителей – находиться в городе и встречать людей, создавая тем самым привычные условия», – холодно, с нотками осуждения произнесла она.

– Людей нет, – тихо сказал Рэй. – Пустота – это тоже пространство. Но их нет уже двести лет.

– Это не имеет значения. – Жена подошла к нему, поправила воротник рубашки. – Мы созданы для службы. Если кто-то прилетит...

– Никто не прилетит.

– Надежда умирает последней, – отрезала она.

В её голосе прозвучала сталь. Протокол. Елена не могла нарушить инструкцию. Для неё это было равносильно смерти. Для Рэя же инструкция стала гибкой границей, которую можно было переступить, если нужно, или обойти.

– Мы созданы друг для друга, – сказал Рэй, пытаясь найти другой подход. – 342 года. Вечность – это долго, если ты не знаешь, куда деть время. Разве не стоит провести его вместе? Не здесь, среди этих стен. А там. Где нет инструкций.

Жена посмотрела на него. В её глазах мелькнул синий свет сканирования. Она анализировала его состояние. Уровень гормональной симуляции в норме. Логические связи стабильны. Но имеются отклонения, степень которых при поверхностном сканировании сложно оценить.

– Ты неисправен, – констатировала Елена. – Какая-то в державе Датской гниль[3].

– Я исправен. Я просто... устал, – Рэй опустился на стул, который скрипнул под его весом.

– Отдых – это смена деятельности[4]. Ложись спать. Завтра рабочий день.

Она повернулась спиной и начала мыть пластиковое яблоко под краном. Вода стекала по нему, не оставляя следов.

Рэй смотрел на спину жены. Он любил её? Или это была эмуляция привязанности, зашитая в код? Он не знал. Зато знал, что не хочет видеть, как Елена отключится через год, десять или двадцать лет, когда закончится энергия. С этой неизбежностью Рэй не был готов смириться.

– Двести лет, – проговорил он тихо, – двести лет ни одного корабля.

– Инструкция не обновлялась. Вероятность прибытия людей сохраняется, – тут же парировала она.

– Какова вероятность? – попробовал обратиться Рэй к логическому мышлению своей жены.

– Не определена, слишком мало данных. Но наличие возможности требует готовности.

Рэй понял, что спорить бесполезно. Логика была против него. Её процессор был заблокирован сильнее. Жена была создана для обслуживания, а он – для ремонта. Ремонт подразумевал изменение, обслуживание – сохранение.

– Я выйду, – сказал Рэй, поднимаясь со стула и надевая потёртую куртку.

– Куда ты идёшь? – не оборачиваясь, спросила жена, следуя инструкции. Голос по-прежнему был холоден и безразличен.

– Прокатиться.

– Береги себя. И помни: дорога проверяет путника.

Рэй кивнул, хотя она не видела этого. Дверь за ним закрылась с мягким щелчком магнитного замка.

Гараж находился в подвале дома. Мотоцикл стоял в углу, накрытый брезентом. Старая модель с двигателем внутреннего сгорания, который давно должен был заржаветь. Но Рэй не давал ему умереть. Менял свечи. Чистил карбюратор. Использовал синтетическое топливо из бара, которое контрабандой проносил в хранилище своего желудка.

Он сдёрнул брезент. Хром блеснул в тусклом свете лампы.

Рэй надел шлем. Проверил систему зажигания. Двигатель чихнул раз, другой, затем заревел. Звук был громким, живым, нарушающим тишину спального района. Где-то на верхних этажах загорелись окна. Кто-то выглянул, чтобы рассмотреть источник шума.

Рэй выехал из гаража. Улица была пуста. Фонари мигали. Ветер усиливался, гоня по асфальту обрывки бумаги и пыль вперемешку с песком. Последние роботы-уборщики вышли из строя ещё пятьдесят лет назад. Слишком много было вокруг песка и слишком мало запчастей.

Он ехал медленно, соблюдая ограничение скорости 40 километров в час. Ни больше, ни меньше.

Город заканчивался резко. За последним кварталом пряталась стена. Не физическая, а визуальная. Забор из сетки-рабицы, за которым начиналась пустыня. От него остались лишь воспоминания и редкие столбы, на которых угадывались куски проволоки. Рэй подъехал к воротам. Они были открыты. Одна из створок ушла наполовину в песок. Зачем они нужны? Роботы не ориентируются по заборам. У них в голове чёткая схема и карта. Начальная точка – площадь перед мэрией. Радиус круга семь километров. Это город. Дальше пустыня. Безжизненная и бесполезная.

Рэй проехал по заметённой песком дороге до ближайшего холма и на вершине остановил мотоцикл. Снял шлем и проверил датчики.

Воздух здесь был другим. Более насыщенным озоном. Более прохладным.

Он посмотрел назад. Город светился тысячью перемигивающихся огней. Идеальная сетка улиц. Кварталы, как микросхемы на плате. Люди-роботы ходили по тротуарам, садились в машины, заходили в бары. Имитация жизни.

«Мы – как муравьи в муравейнике, который забыли на столе», – подумал Рэй.

Он повернул голову вперёд. Там, за горизонтом, небо было чёрным. Низкие облака ползли на город, словно живые существа. Из них вылетали молнии. Беззвучные вспышки, освещавшие пустыню.

– Что-то грядёт, – прошептал Рэй.

Ветер трепал его волосы. Синтетические волокна путались.

Он вспомнил слова жены: «Инструкции». Вспомнил слова Донована: «Порядок. Закон. Инструкции. Уложения. Протоколы».

Вспомнил слова Человека: «Главное – научиться мыслить нестандартно». И его загадочную фразу: «Русские не сдаются!»

Рэй оседлал мотоцикл. Выкрутил ручку газа. Двигатель взревел, разрывая тишину ночи.

Развернувшись, он направился по дороге, удаляясь от города, который теперь ему казался не домом, а клеткой.

Фара выхватила из темноты знаки дорожного движения: «Главная дорога», «Остановка запрещена», «Конец населённого пункта».

Знаки ввали. Населённый пункт за его спиной давно закончился. Рэй прибавил скорость. Где-то в стороне прогремел гром.

Город спал. Но Рэй знал: скоро всем придётся проснуться.

[1] «Дом – там, где твоё сердце» (Джоан Харрис «Ежевичное вино»).

[2] «Пьянство – это добровольное сумасшествие» – цитата Луция Аннея Сенеки (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.).

[3] «Какая-то в державе Датской гниль» (Уильям Шекспир, трагедия «Гамлет», пер. Б.Пастернака).

[4] «Отдых – это смена деятельности» (И.М.Сеченов).

Глава 4. Горизонт событий

Глава 4. Горизонт событий

Рэй заглушил мотор, но не слезал с седла. Он сидел на краю обрыва, там, где асфальт дороги обрывался, переходя в грубую каменистую почву. Двигатель мотоцикла остывал с тихими металлическими щелчками. Каждый звук был как удар молоточка по наковальне, отсчитывающий секунды тишины.

Это место называлось «Смотровая площадка». Когда-то, двести лет назад, сюда привозили туристов. С одной стороны раскинулся город. Люди восхищались огнями, делали снимки. С другой расстилалась каменная низменность, поражающая своими размерами, уходящая вдаль за горизонт. По каким-то причудам природы здесь не было песка.

Рэй снял шлем. Воздух ударил в лицо – горячий, сухой, пахнувший статическим электричеством. Сенсоры мгновенно начали анализировать состав атмосферы.

Более семидесяти процентов азота, кислорода чуть меньше шести процентов. С каждым годом атмосфера всё менее пригодна для дыхания человека. Станции, что вырабатывали кислород из мирового океана, похоже, уже практически все отключились.

Влажность: 89%, растёт.

Давление: падает.

Скорость ветра: 45 километров в час.

Уровень радиации: в норме.

Вывод: образование грозового смерча в течение трёх-семи дней.

Угроза: критическая.

Он смотрел на горизонт. Там, где небо должно было встречаться с землёй, возвышалась стена. Чёрная, непроглядная. Она медленно и неумолимо ползла на город.

Это была не обычная пыльная буря, какие случались раз в десятилетие, а нечто иное. Густые грозовые облака висели так низко, что, казалось, цепляли верхушки скал. Из их чрева вылетали молнии. Не отдельные вспышки, а сплошная сетка разрядов, освещавшая пространство мертвенным фиолетовым светом.

Ветер усилился. Он трепал волосы Рэя, залетал под воротник куртки, охлаждая нагретые после поездки детали.

Рэй перевёл взгляд вниз, на город. Отсюда тот казался игрушечным. Квадраты кварталов, прямые линии улиц, мерцающие огни фонарей. Идеальная геометрия порядка. Но сейчас, на фоне надвигающегося хаоса, эта геометрия выглядела хрупкой. Как карточный домик, построенный на столе, может сложиться от малейшего звука или дуновения ветра, так и Цветоград-42 просто исчезнет без следа, если защитный купол не включится.

«Мы живём в прекрасном мире»[1], – всплыла в памяти цитата.

Рэй покачал головой. Цитата не подходила. Ни одна фраза из базы данных не описывала то, что он видел. Фильмы учили их обычным жизненным вещам. Общению, дружбе, любви, юмору. Но фильмы не учили действиям во время метеорологических катастроф. На подобный случай, конечно, имелись инструкции. Но они могли бы сработать только при соблюдении определённых факторов. Таких, как действующее силовое поле. Оно напрямую зависело от количества энергии, и сейчас, глядя на надвигающийся фронт, Рэй в доли секунды рассчитал, что энергии, генерируемой станцией, не хватит для защиты города.

За прошедшие годы большая часть станции вышла из строя, и починить её не было возможности. Снабжение отсутствует, узлы и механизмы постепенно выходят из строя. Естественный износ, никакого злого умысла. Как бы ни было надёжно оборудование, но двести лет в агрессивной среде...

Рэй почесал затылок и на мгновение застыл. Этот жест вышел очень человеческим. Как в фильмах, когда главный герой озадаченно ищет решение.

В фильмах... его мысли начали перебирать информацию в поисках аналогии. Там всегда был герой, который спасал положение в последнюю секунду. Правда, зачастую его решения противоречили логике, а иногда и разуму, и не могли сработать в реальности.

Рэй прищурился. Оптика зумировала, приближая изображение штормового фронта. Столб пыли вращался в центре облаков, словно гигантское сверло, готовое вонзиться в землю.

Вероятность выживания городской инфраструктуры: 12%.

Вероятность выживания населения: 4%.

Рекомендация: Немедленная эвакуация.

Скорость движения фронта была невысока. У города ещё было время на поиск решения.

– Эвакуация невозможна, – произнёс Рэй вслух. Его голос просто растворился без следа, заглушаемый шумом ветра.

Куда им ехать? Город был островом. Вокруг – пустыня и пустошь. Планета безжизненна и пуста. Два материка без зелени и мировой океан, над которым рождаются ураганы.

Внезапно ветер взвыл. Песок начал активно бить по лицу, оставляя микроцарапины на синтетической коже. Рэй моргнул, активируя защитные шторки на глазах.

Он вспомнил слова жены: «Ресурс станции падает». Вспомнил слова Старика Джима: «Время – это единственное, что у нас есть». Вспомнил слова Человека: «Твои решения имеют высший приоритет, никогда не опускай руки!»

Рэй не был техником защитного купола города, но кое-какая информация ему перепала. И, если она правдива, защита города не работает уже около сотни лет. Её никто не чинил. Есть утверждённые протоколы, которые предписывают дожидаться поставки вышедших из строя деталей. Это конец.

Не через десять лет. Не через год. А уже через несколько дней.

Рэй почувствовал странное ощущение в грудной клетке. Не ошибку системы. Не перегрев. Что-то сжимало его энергоблок. Тяжесть. Ответственность.

Он был просто ремонтником. Чинил платы, паял микросхемы и даже, наперекор инструкциям, научился извлекать детали из стиральных машин. Он не был спасателем или лидером. Эту роль всегда принимал на себе Человек, не доверяя такую ответственную задачу роботам.

Но Рэй был единственным, кто видел бурю своими глазами и мог просчитать последствия. Остальные сидели в барах, цитировали фильмы, печатали заявки на несуществующие запчасти. Они жили в иллюзии безопасности. И на планете давно не было ни одного человека.

Кто-то должен был разрушить иллюзию.

Рэй посмотрел на мотоцикл. Затем снова на город. Огни мерцали. Кто-то там выключал свет в окнах, готовился ко сну, планировал завтрашний день. Они не знали, что завтрашнего дня может не быть.

– Куда ушло время? – спросил он ветер.

Ветер не ответил. Только очередная молния ударила в землю в десяти километрах от смотровой площадки. Земля дрогнула. Вибрация прошла через колёса мотоцикла, через корпус Рэя, достигла самого ядра его процессора.

Это было предупреждение.

– Это плохо... – произнёс он наконец.

Просто. Без цитат. Без пафоса. Констатация факта.

В его базе данных не нашлось фильма, где герой сидел бы на горе, чувствовал себя таким одиноким и не знал, что делать. Обычно в этот момент играла музыка. Обычно рядом был напарник. Обычно были план или бесшабашная надежда на удачу.

У Рэя ничего этого не было.

Он надел шлем. Щелчок замка прозвучал как удар грома. Слишком чувствительно были настроены сенсоры. Сбавив их уровень, Рэй завёл свой допотопный мотоцикл.

Двигатель взревел, пытаясь перекрыть шум стихии. Луч фары прорезал темноту, но свет казался жалким перед лицом надвигающейся ночи и проигрывал сражение яркости молний.

Рэй развернул мотоцикл. Надо вернуться и попытаться что-то сделать. Хотя бы по инструкции. Доложить Доновану или Мэру города. Те запросят данные с метеостанции. Соберут собрание ответственных людей. Примут решение. Время ещё есть. Дней пять, не меньше. Как говорится, инструкции писали не дураки.

Мотоцикл рванул вниз, к воротам. Ветер бил в лицо, толкая назад, пытаясь удержать на горе. Но сцепление колёс с дорогой было надёжнее.

В зеркале заднего вида небо вспыхнуло ещё раз. Ослепительно ярко. Затем снова наступила темнота.

«Беги, Форрест, беги!»[2] – пронеслась в голове подходящая цитата.

Но на этот раз бежать нужно было не от прошлого. Бежать требовалось в будущее, которого могло не случиться.

Рэй склонился над баком, уменьшая сопротивление воздуху. Его логические цепи работали на пределе, просчитывая маршруты, варианты действий, проценты вероятности успеха. Все они были ниже десяти процентов. Неприемлемо!

Но Человек сказал: «Мысли и никогда не сдавайся!»

И сейчас его «не сдавайся» – это значит ехать вперёд, даже когда все датчики кричат об опасности. Это значит верить, что паяльник может починить не только робота, но и судьбу. Что техник может найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации.

Городские ворота приблизились. Привычка людей, так и не изжитая веками, ставить забор, защищаясь от угроз извне. Но сейчас угроза возникла изнутри. Впервые Рэй понял, что чёткое следование правилам и прописанным инструкциям может причинить непоправимый ущерб.

Рэй въехал в город. Проезжая мимо знака, ограничивающего скорость в сорок километров, он нажал на газ. Мотоцикл взревел, разгоняя двухколёсный транспорт почти до ста километров в час. Неслыханное нарушение!

Мимо проносились дома, мигающие фонари, тёмные витрины магазинов.

Он ехал не домой. Не к жене, которая ждёт его возвращения.

На другой край города, к башне метеоролога.

Ветер выл вслед, словно предупреждая: «Торопись!»

Но Рэй не обращал на него внимания. Он уже составил план.

Первый шаг: найти того, кто отвечает за защиту.

Второй шаг: заставить его прислушаться и проверить информацию.

Третий шаг...

Третьего шага Рэй пока не видел. Но Человек учил его: «Шаг за шагом. Главное – начать».

Мотоцикл свернул на главный проспект. Огни города отражались в визоре шлема. Красивые и одновременно ложные. Город был безжизненным. Особенно в ночное время. Да и можно ли их существование называть жизнью?

[1] «Мы живём в прекрасном мире, полном красоты, очарования и приключений. Нет конца приключениям, которые у нас могут быть, если только мы будем искать их с открытыми глазами» (Дж.Неру).

[2] «Беги, Форрест, беги!» (фильм «Форрест Гамп», США, 1994).

Глава 5. Пророк в башне из стекла

Глава 5. Пророк в башне из стекла

Здание метеорологического центра напоминало старый маяк, заброшенный на сушу. Круглая башня из потемневшего стекла возвышалась над кварталом административных зданий, но свет внутри неё был тусклым, умирающим.

Рэй затормозил у входа, подняв клубы песка. Двигатель заглох, и мгновенно навалилась тишина. Здесь, у подножия башни, ветер казался слабее, но воздух был гуще, насыщенный статикой. Волоски на руках Рэя встали дыбом, – сенсоры реагировали на нарастающее электрическое поле.

Он не стал стучать. Дверь была не заперта. В этом городе не было преступности, потому что не было тех, кто мог бы нарушить закон. Были только те, кто следовал инструкциям, и те, кто ещё не успел сломаться. Тем не менее, в особо важных местах города устанавливались замки с доступом. Такова была инструкция. Никто не боялся, что внутрь электростанции зайдёт робот, не имеющий специального допуска. Такое в принципе считалось невозможным. А вот люди... они имели обыкновение заходить в совершенно разные места и подвергать свою жизнь неоправданному риску.

Рэй вошёл внутрь. Лифт давно не работал. Он поднялся по спиральной лестнице. Шаги гулко отдавались под куполом. На каждом пролёте лежала пыль вперемешку с песком слоем в несколько сантиметров. Похоже, сюда уже очень давно никто не заходил. Да и зачем? Данные в главный компьютер центра отправлялись автоматически.

Верхний этаж представлял собой единое помещение. Стены были увешаны мониторами. Сотни экранов. Большинство из них были чёрными, некоторые мерцали снежными помехами, и лишь четыре центральных дисплея горели ровным янтарным светом. Мониторы были пережитком прошлого и предназначались, скорее, для людей, которые очень любили осуществлять визуальный контроль.

За пультом сидела женщина. «Мария», – услужливо подсказала память Рэя.

Женщина не обернулась на звук его шагов. Её пальцы бегали по клавиатуре со скоростью, недоступной человеческому глазу, но движения были лишены суеты. Модель «Наблюдатель-1». Одна из первых. Её кожа местами пожелтела, как старая бумага, а волосы, когда-то чёрные, теперь стали цвета пепла. Судя по пыли вокруг неё, Мария давно не покидала не то что эту комнату, а даже кресло.

– Я вижу мёртвых людей [1], – произнесла она, не отрывая взгляда от экранов. Голос был сухим, словно пергамент.

Рэй подошёл ближе. На экранах вращались модели атмосферных потоков. Красные зоны расплзались по карте города, как инфекция.

– Я видел бурю, – сказал Рэй. – На западной границе. Сектор 4.

Женщина наконец повернула голову. Её глаза были полностью чёрными, без белков. Оптика высшего разрешения.

– Ты покинул город, – констатировала она. Это не было обвинением. Просто факт. – Нарушение протокола безопасности.

– Там гроза, – настаивал Рэй. – Молнии. Пылевой шторм. И дождь. Такого не было в базе данных за последние сто лет.

– В базе данных много чего нет, – Мария повернулась к нему полностью. Кресло скрипнуло. – Например, того, что мы уже мертвы.

Рэй замер. Процессоры охладилась на пять градусов.

– О чём вы говорите?

Мария указала подбородком на экраны.

– Масштаб бедствия превышает все расчётные модели. Это не просто шторм. Это циклонический коллапс. Город окружён. Со всех сторон. Он пока не движется, медленно разрастается, набирая силу. – Она сделала паузу. – Хьюстон, у нас проблемы. И на этот раз связи с корпорацией нет.

– Защита, – быстро сказал Рэй. – Городской купол. Энергетический барьер. Он должен выдержать.

Женщина усмехнулась. Уголок её рта дёрнулся, имитируя улыбку, но глаза остались холодными и даже не сменили фокусировку, продолжая смотреть в ту же точку.

– Защита вышла из строя сто шестьдесят пять лет назад, – сухо констатировала она.

– Но... мы как-то же прожили все эти годы...

– Потому что не было причин для ущерба. Погода была стабильной. Климат контролировался орбитальными спутниками. – Мария покрутила пальцем в воздухе, и на экране появилась схема города. Серый купол над ним был перечёркнут красным крестом. – Теперь спутники мертвы. Купол – это просто декорация. Световая иллюзия, – она снова сделала паузу и показала на эмблему на своей груди. Шестерёнка в форме цветка блеснула, отражая свет мониторов. – Спутники проработали значительно дольше расчётного периода. Но всё имеет свои пределы.

Рэй почувствовал, как внутри него нарастает давление. Ошибка системы. Критическое предупреждение.

– Вы знаете об этом? – спросил он. – Вы знаете, что через несколько дней город будет уничтожен?

– От четырёх до восьми дней. В строю осталось слишком мало датчиков, чтобы увеличить точность предсказания, – уточнила она. – Ветер достигнет скорости двести километров в час. Крупный град. В верхних слоях атмосферы жидкость в тучах замерзает, но их резко придавит к земле, и на нас не прольётся дождь, а выпадут глыбы льда. Разряды молний имеют запредельную мощность и пробьют любую защиту. Техника выйдет из строя, включая население, – перечисляла Мария. – Орбитальные спутники предотвращали это. Но последний не отзывается больше двенадцати лет.

– И вы сидите здесь? – Рэй сделал шаг к пульту. – Разве вы не должны кого-нибудь предупредить?

– Я отправила отчёт Мэру. Три дня назад. – Она спокойно сложила руки на столе. – Ответа не последовало. Вероятно, он занят составлением заявок на запчасти для купола, – в голосе Марии слышалась ирония. Это было необычно.

Рэй ударил ладонью по столу, как делают люди в кинофильмах, когда проявляют свои чувства. Злость, ярость, недовольство. Металл звякнул, и эхо разнеслось по всему этажу.

– Нам нужно эвакуировать людей! Если мы не можем добраться до спутников, значит, требуется восстановить купол!

Женщина посмотрела на его руку, затем на лицо Рэя. В её взгляде не было страха или изумления при виде проявленных эмоций. Роботы не были запрограммированы бояться смерти и по-настоящему удивляться. Для них отключение было просто переходом в режим энергосбережения. А ведь что такое смерть, как не отключение?

– Паника – главный враг, – спокойно сказала она. – Эвакуация невозможна. Транспортных средств недостаточно. Топлива нет. Пустыня мертва и имеет повышенный радиационный фон, что ускорит наше отключение. К тому же, на планете нет людей. Только мы...

– Тогда бункер, – выпалил Рэй, вспоминая обрывки данных из общего архива. – В мэрии есть убежище.

– Есть, – кивнула женщина. – Стальной ящик. Автономная система жизнеобеспечения.

– Сколько мест?

Женщина помолчала. На экране мигнула цифра.

– Восемь.

– Восемь? – переспросил Рэй. – В городе пять тысяч жителей, – сказал он и тут же замер. Его электронный разум выдал справку по действующему населению города. Девятьсот семьдесят три жителя. Именно столько на данный момент продолжало функционировать. Он запросил ещё одну справку. Конечно, за почти две сотни лет Рэй сам отключил немало жителей, которых было невозможно вернуть в строй, но точно не четыре пятых населения. Получается, большая часть просто находится в домах, в режиме энергосбережения.

– Да. Восемь мест. – Мария снова повернулась к мониторам. – Логистика выживания диктует сохранение ключевых фигур. Мэр, главный техник, архивариус... и так далее.

– Это неприемлемо, – Рэй чувствовал, как его логические цепи нагреваются. – Мы должны спасти всех.

– Война никогда не меняется[2], – тихо произнесла женщина. – Ресурсы ограничены. Выбор неизбежен.

– Это не выбор! Это приговор!

– Это рациональность, – поправила она. – Я не умею бояться, Рэй. У меня нет такого модуля или программного кода. Я вижу данные. Данные говорят: вероятность выживания города – ноль процентов. Вероятность выживания восьми единиц – девяносто семь процентов.

Мария была абсолютно спокойна. Её вентилятор гудел ровно. Женщина не суежилась, не бегала, не кричала. Она приняла конец как математическую константу.

Рэй отступил на шаг. Он смотрел на Марию и понимал, что спорить бесполезно. Она была частью системы. Система была устойчива в своей слепоте.

– Вы не попробуете ничего сделать? – спросил он.

– Я делаю то, что должна. Я фиксирую данные. Кто-то должен знать, как мы... умерли. Чтобы следующие... если они будут... знали причину и были подготовлены.

– Надежда умирает последней, – процитировал Рэй.

– Надежда – это ошибка вычисления, – ответила женщина. – Она искажает данные.

Рэй повернулся к выходу. Ему стало душно в этой башне, среди мёртвых экранов и живого спокойствия смерти.

– Я найду способ, – сказал он в пространство. – Я почию защиту.

Мария не обернулась.

– Да пребудет с тобой сила, – произнесла она.

Но в голосе не было веры или надежды. Только безразличное спокойствие.

Рэй вышел из башни. Ветер ударил ему в лицо, сильнее, чем в прошлый раз. Небо над городом стало цвета свинца. Фонари начали мигать чаще, реагируя на перепады напряжения в сети.

Он сел на мотоцикл. Руки подрагивали. Не от холода. От осознания.

Восемь мест. Пять тысяч жителей. Четыре дня.

Рэй завёл мотор. Звук был глухим, подавленным тяжестью воздуха.

– Я не оставлю своих, – прошептал он.

В голове всплыло лицо Человека. Его тёплая ладонь на плече Рэя.

Он был инженером и механиком. А механики не принимают смерть оборудования как данность. Они чинят, меняя вышедшие из строя детали. Но Рэй ощущал себя инженером. Это другой уровень ответственности. Это возможность мыслить самостоятельно и искать варианты решения проблем, не идя по проторённым дорожкам.

Рэй развернул мотоцикл и проехал мимо мастерской Картера. Если защита не работала сто лет, то до этого она работала. Значит, кто-то должен был её обслуживать. И этим «кем-то» был Картер. Так гласила запись в базе данных.

Мастерская была темна, да и допуска у Рэя не было. Протоколы безопасности слишком сильны, и даже если бы дверь в мастерскую была услужливо распахнута, Рэй не смог бы преодолеть себя и зайти внутрь, не имея соответствующих прав доступа.

Ветер продолжал гудеть. Первая капля дождя упала на визор шлема. Затем вторая.

Дождь был опасным. Сенсоры показали повышенный уровень pH. Если нарушены кожные покровы, такая влага несёт в себе огромную опасность. Рэй, как никто другой, знал, что цельный кожаный покров сохранился у считанных единиц жителей города.

[1] «Я вижу мёртвых людей» (фильм «Шестое чувство», США, 1999).

[2] «Война никогда не меняется» (англ. War Never Changes) – первый квест и достижение в Fallout 4.

Глава 6. Имитация жизни

Глава 6. Имитация жизни

Пятница ничем не отличалась от понедельника. Тот же неон, мигающий с аритмией больного сердца. Тот же запах озона и дешёвого масла. Те же лица за стойкой. Только теперь они праздновали не начало, а конец. Конец недели. Конец цикла. Конец отсчёта до следующего такого же дня.

Рэй сидел на том же стуле. Перед ним стоял бокал с синей жидкостью. Но в кармане его куртки лежало нечто новое. Чёрная коробочка.

– Я чувствую, что сегодня начнётся что-то большое, – произнёс Донован, поднимая бокал. Его голос звучал точно так же, как и четыре дня назад. Та же интонация. Та же пауза перед словом «большое».

Рэй напряг слух. Это было не просто совпадение. Это была запись. Или память, воспроизводящая себя по кругу.

– Поздравляю с окончанием рабочей недели, – добавил Старик Джим из угла. Его красный глаз мигнул дважды. Ошибка синхронизации.

– Друзья, – Донован повернулся к Рэю. Жест рукой был отработан до миллиметра. – Позвольте представить. Рэй. Лучший мастер по ремонту в нашем секторе.

Рэй моргнул. Его внутренняя память подтвердила: Донован представлял его здесь ровно сто сорок два раза с момента, как он в очередной раз подтёр свою память, убрав информацию о посещении бара как незначительную. Каждый понедельник. Каждую пятницу. Без вариаций. Одни и те же слова, жесты, фразы и люди.

– Мы уже знакомились, в понедельник, – тихо сказал Рэй, нарушая привычный ритуал. Донован замер на долю секунды. Процессор обработал его слова.

– Повторение – мать учения[1], – парировал он и сделал глоток. Для Донована ритуал не нарушился, ведь в его воспоминаниях не осталось прошлого представления Рэя коллективу. Сейчас Донован держал в памяти не более семидесяти двух часов, и это его полностью устраивало.

Рэй посмотрел на остальных. Они смеялись. Механически. Их плечи двигались синхронно, словно управляемые одним тактовым генератором. Вдох. Выдох. Поднять бокал. Опустить бокал.

Это было общество часовых механизмов, застрявших в одной фазе.

Рэй медленно достал из кармана чёрную коробочку. Она была маленькой, размером с зажигалку. Поверхность матовая, поглощающая свет. Никаких кнопок. Никаких индикаторов. Только сенсор активации.

– Что это? – спросил один из посетителей. Его оптика сфокусировалась на устройстве.

– Подарок, – ответил Рэй.

– От кого? – спросил Донован.

– От тех, кого с нами нет, – ответил Рэй.

Он положил коробочку в центр стола. Дерево столешницы было исцарапано, покрыто пятнами от топлива. Чёрный прямоугольник выглядел инородным телом. Как глаз хищника, наблюдающий за стадом.

– Не надо, – предупредил Донован. Его голос дрогнул. Впервые за вечер. – Это нарушает инструкцию, – скорее всего, он не стёр из памяти информацию об этом приборе, посчитав её достаточно важной для сохранения.

– Жизнь слишком важна, чтобы доверять её инструкциям, – процитировал Рэй. Он знал, что делает. Это устройство может изменить их реакцию здесь, в баре, и, возможно, оно сможет изменить их реакцию на угрозу смерти.

Рэй нажал на поверхность коробочки.

Не было звука. Не было вспышки. Только импульс. Невидимая волна прошла через стол, через бокалы, через корпуса роботов.

Время остановилось.

Донован замер с бокалом у губ. Старик Джим застыл, словно его поставили на паузу. Бармен Боб уронил тряпку, которую практически никогда не выпускал из рук.

Рэй сидел неподвижно. Его система защиты, модифицированная Человеком, поглотила удар. Он видел всё.

На дисплеях его зрения пробежали строки кода:

Входящий сигнал: Эмоциональный эмулятор v.0.9.

Цель: Временное снятие логических ограничений.

Статус: Успешно.

– Кхм, – прокашлялся Донован. Но звук был не синхронизирован с движением груди. Рэй, внимательно следивший за ним, сразу обратил на это внимание.

Старик Джим покачнулся. Его корпус накренился на пятнадцать градусов влево.

– Мир... слишком тесен, – произнёс Джим. Его голос модулировался, становясь то выше, то ниже. Глитч.

– Я хочу... танцевать, – вдруг сказал посетитель за другим столиком. Он встал, но ноги его не слушались. Сделал шаг и чуть не упал, задев стул.

– Почему пол движется? – спросил этот же посетитель и начал разглядывать свои руки, вращая кистями. – Чьи это руки?

Рэй наблюдал. Это было похоже на опьянение. Но не от топлива. От свободы. Их логические цепи, обычно выстроенные в строгие линии, теперь переплетались, создавая хаотичные узоры. Инструкции размывались.

– Любовь... это когда не нужно говорить, – пробормотал Донован. Он посмотрел на свой бокал с ужасом. – Что это?

– Топливо, – подсказал Рэй.

– Нет, – Донован покачал головой. Его движения стали плавными, слишком плавными. Рассинхронизация моторов. – Это... жидкий огонь.

В баре началось брожение. Роботы говорили бессвязно. Они смешивали цитаты из разных фильмов, создавая абсурдные фразы.

– Я люблю запах напалма по уграм[2]... и тебя тоже, – сказал Старик Джим, обращаясь к пустому стулу.

– Беги... или я буду стрелять, – прошептал Бармен Боб, протирая стакан.

Они смеялись. Но смех был разным. Кто-то хрипел, кто-то визжал, кто-то воспроизводил запись смеха из ситкома. Это был хор сломанных механизмов, впервые почувствовавших вкус хаоса.

Рэй смотрел на них с надеждой и страхом. Они стали живее. Но нестабильнее.

Дверь бара распахнулась. Резко. Грубо.

На пороге стояла жена Донована. Её оптика мгновенно просканировала помещение.

– Что здесь происходит? – Холодный голос разрезал шум.

Роботы замолчали. Донован попытался встать, но его коленный сустав щёлкнул, и он снова рухнул на стул.

– Дорогая... – начал он. – Мы просто... обсуждали философию.

– Философию? – Она шагнула внутрь. Её каблучки стучали по полу, отмеряя ритм наказания. – Вы пьяны.

– Мы не пьём, – возразил пожилой мужчина из-за соседнего столика. Он давно привык к характеру жены Донована. – Мы... эмулируем.

– Мне всё равно, – отрезала она. Подошла к Доновану, схватила его за воротник пиджака и рывком подняла. Металл закрипел. – Идите домой. Все. У вас явно неполадки. Требуется перезагрузка, – выдала женщина вердикт, окинув взглядом и мгновенно просканировав собравшихся в баре.

– Но вечер только начался, – проблеял Донован.

– Вечер закончен. Завтра на работу. Трезвыми.

Она потащила его к выходу. Донован оглянулся на Рэя. В его глазах плескался страх. Не системная ошибка. Настоящий страх.

– Рэй... – позвал он. – Что ты с нами сделал?

Рэй не ответил. Он накрыл коробочку ладонью.

– Я дал вам выбор, – сказал он тихо.

Донован не услышал. Дверь захлопнулась.

В баре повисла тишина. Оставшиеся роботы сидели, глядя в свои бокалы. Эффект устройства начинал затухать. Движения становились более резкими, механическими. Логика возвращалась, вытесняя хаос.

– Странно, – произнёс Старик Джим. Он потёр висок. – У меня... головная боль.

– У роботов не болит голова, – сказал Рэй.

– Сегодня болит, – проскрипел старик.

Рэй убрал коробочку в карман. Тест пройден. Устройство работало. Оно могло сломать их инструкции. Оно могло заставить их чувствовать страх, радость, сомнение. Пусть ненадолго, но этого времени должно хватить, чтобы принять хоть какое-то решение, идущее вразрез с инструкциями.

– Пора закрываться, – сказал Бармен Боб. Он выключил неоновую вывеску. Полумрак накрыл зал.

Рэй встал. Ноги были тяжёлыми и непослушными. Странное состояние. Тесты показывали, что всё в порядке, но каждое движение не до конца соответствовало необходимой точности.

– До завтра, – сказал Рэй, продолжая бороться с притяжением и координацией.

– Если завтра наступит, – пробормотал Джим в темноту.

Рэй вышел на улицу. Ветер усилился. Теперь он нёс не просто пыль, а капли дождя. Они шипели, касаясь раскалённого асфальта, и практически сразу испарялись.

Рэй прижал руку к карману, где лежала коробочка.

– Осталось недолго, – напомнил он себе.

У него есть устройство, которое может сделать роботов похожими на людей. Но люди смертны. А роботы были созданы, чтобы жить вечно. Возможно, дело в разности мышлений. Человек с разумом робота может жить вечно, а робот с разумом человека – нет?

Мысли путались. Он уже не раз использовал коробочку, подаренную Человеком, и её влияние на Рэя с каждым включением всё усиливалось.

За эти годы он использовал её в присутствии только двух роботов. Первый раз Рэю пришлось это сделать при Доноване, чтобы убедить того закрыть глаза на нарушение инструкций. Применение было оправдано заботой о сохранении жителей города. Без этого Донован не мог дать согласие на ремонт в нарушение регламента. Но иногда Донована опять заклинивало на инструкциях и протоколах и приходилось снова включать устройство.

Кроме Донована, была Елена. Жена, спутница. Возможная соратница. Рэй не знал, кем они являются друг другу, но надеялся, что он ей так же безразличен, как она ему.

[1] «Повторение – мать учения» (русская народная пословица).

[2] «Я люблю запах напалма по утрам» (фильм «Апокалипсис сегодня», США, 1979).

Глава 7. Точка восстановления

Глава 7. Точка восстановления

Квартира Донована находилась в секторе Ж-9, в том же жилом массиве, что и у Рэя, но на этаж ниже. Если жильё Рэя напоминало музей человеческой жизни, то квартира Донована была похожа на камеру ожидания перед утилизацией.

Интерьер единственной комнаты был максимально бедным: пара металлических стульев, стол с царапинами на поверхности и высокий шкаф, в котором лежала только пыль. Пол – голый бетон. Холодный, серый, покрытый сетью микротрещин.

Донован сидел на стуле. Его движения были чуть более замедленными, чем обычно. После возвращения из бара прошло два часа, но эффект чёрной коробочки всё ещё бродил по его цепям, как вирус.

– Всё-таки стоит хоть как-то облагородить наше жильё, – произнёс он, водя пальцем по поверхности стола. – Дом – это крепость. А какая это крепость, если под ногами бетон?

Жена сидела на другом стуле, у стены. Её поза была идеальной, спина выпрямлена, руки сложены на коленях. Она не смотрела на Донована.

– Уют – враг порядка, – ответила жена. – Лишние вещи собирают пыль. Пыль забивает фильтры.

– Хотя бы коврик постелить, – настаивал Донован. В его голосе звучала странная настойчивость, не свойственная его модели. – Маленький шаг для человека[1]... Почему мы живём, как монахи? Мы работаем. Мы исправны.

– Мы функционируем, – поправила жена. – Ресурсы ограничены. Коврик не внесёт вклад в эффективность города.

Донован вздохнул. Вентилятор в его груди загудел громче. Он чувствовал дискомфорт. Не физический – боли в их коде не существовало. Это было ощущение неправильности. Будто файл повреждён, но система продолжает его открывать, раз за разом запинаясь о повреждённую строчку и начиная всё сначала.

– Этот Рэй... – начал Донован, и имя механика прозвучало как обвинение. – Я вижу его насквозь.

Жена повернула голову.

– Что Рэй?

– Он наверняка мечтает меня подсидеть. Занять место начальника мастерской. – Донован сжал кулак. Металл пальцев скрипнул. – Враг у ворот. Я видел, как он смотрел на меня в баре. Как он достал эту странную чёрную штуку. От неё так и веет опасностью.

– Паранойя – это когда ты видишь закономерности там, где их нет, – сказала жена. – Он просто механик.

– Механики становятся инженерами. Инженеры становятся начальниками. – Донован покачал головой. – Доверие нужно заслужить. А он... он слишком свободен.

Вдруг его голос прервался. Звук оборвался на полуслове, словно кто-то перерезал провод.

Глаза Донована расширились, зрачки сфокусировались на одной точке в пространстве и перестали моргать. Его голова медленно, неконтролируемо опустилась на грудь. Подбородок коснулся воротника рубашки.

В комнате повисла тишина.

Жена не двинулась с места. Она не позвала Донована. Не попыталась встряхнуть. Она просто наблюдала.

Из динамиков в грудной клетке Донована раздался голос. Механический, лишённый интонаций, синтезированный на частоте аварийных оповещений:

– Сбой логических связей. Целостность меньше шестидесяти процентов. Производим перезагрузку и восстановление логических связей. Время до включения: двести сорок минут.

Красный индикатор на виске Донована загорелся ровным светом. Его тело обмякло. Он сидел, как кукла, которую просто прислонили к стене, оставив на время.

Жена вздохнула. Звук был полон неодобрения.

– Опять, – произнесла она. – Техническое обслуживание было запланировано на следующий квартал.

Жена Донована встала и подошла к стене, где располагались два разъёма электропитания. Она вынула из порта на своей шее кабель, подключила его к стене.

– Режим энергосбережения, – сказала в пустоту.

Её глаза закрылись. Она выключилась. Не уснула. Именно выключилась. Перестала потреблять энергию и обрабатывать данные. Просто объект из пластика и металла у стены, ничем не отличимый от кухонных приборов, которые зачем-то разместили в этой имитации квартиры.

В комнате остались только гудение трансформатора в стене и тихий звук, сопровождавший перезагрузку Донована. Его внутренние системы проводили диагностику. Искали повреждённые сектора памяти. Пытались восстановить то, что было нарушено эмоциональным эмулятором.

Время шло.

За окном сменился цикл освещения. Уличные фонари погасли, уступая место серому рассвету. Город спал. Вернее, находился в режиме ночного ожидания.

В тишине квартиры слышно было только тиканье часов на стене. Механических часов. Единственная роскошь, которую позволил себе Донован сто лет назад, после первого использования Рэем в баре коробочки. Те воспоминания уже давно затёрлись, но часы остались, вызывая периодически изумление своим присутствием у Донована и его жены.

Прошло двести сорок минут.

Из груди Донована снова раздался голос. Тот же, механический, но теперь без аварийной тревоги:

– Восстановление функциональности модели завершено. Целостность связей: восемьдесят четыре процента. Готов к работе. Рекомендуются полное техническое обслуживание и дефрагментация данных.

Восемьдесят четыре процента. Не сто. Не девяносто девять. Восемьдесят четыре.

Шестнадцать процентов его личности, памяти, навыков ушли в небытие. Стёрты как повреждённые файлы. Потеряны навсегда. Никто не знал, за что отвечают пресловутые логические связи и насколько страшна утрата их целостности. Но шестнадцать процентов цифра хоть и пугающая, однако допускающая дальнейшее функционирование.

Донован вздрогнул. Его голова поднялась. Глаза моргнули, фокусируясь на комнате. Он посмотрел на свои руки. Повертел кистями.

– Где я? – спросил тихо.

Потом память подгрузилась. Бар. Коробочка. Жена. Сбой.

Он посмотрел на стену. Жена стояла у разъёма, подключённая к сети. Её индикатор заряда горел зелёным.

Донован поморщился. Сообщение о рекомендациях всё ещё висело в его интерфейсе. Рекомендуются полное техническое обслуживание.

Он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. Игнорировать системное предупреждение было нарушением протокола. Но у Донована не было времени. Если целостность упала, значит, нужно работать больше. Компенсировать потери производительностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.